

♦ РУССКАЯ КРАСАВИЦА ♦

**Читайте исторические
любовные романы Елены Арсеньевой
в серии «Русская красавица»:**

Нечаянная свадьба

Тайная жена

Страстная-опасная

Любовный водевиль

Сестры-соперницы

Северная роза

Гадание на любовь

Виновница страстей

Свет мой ясный

Крепостная графиня

Роковая вдова

Пленник богини любви

Дуэль на брачном ложе

Две невесты

Любовь как смерть

Лукавый взор

Заморская отравка

На краю любви

Поцелуй фортуны

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

ВАШ МИЛЫЙ
ДУМАЕТ О ВАС

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Редактор серии *В. Горюнова*

Оформление серии *Н. Каштыкиной*

В коллаже на обложке
и внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Lisl / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Арсеньева, Елена.

А85 Ваш милый думает о вас / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с.

ISBN 978-5-04-188903-6

«Ваш милый думает о вас, а все страдания закончатся венчанием». Вот что запомнила из гадания Юлия Аргамкова. Но кто он, этот милый? Сладкий красавчик Адам, с которым Юлия бежала из родительского дома и собиралась выйти за него замуж, быстро разочаровал. А все мысли и чувства захватил Зигмунд Сокольский, с которым она провела роковую ночь, перевернувшую судьбу девушки. Теперь Юлия в плену страсти. Но Зигмунд пропал — ведь разгорелось Польское восстание, гибнут русские люди, целостность страны под угрозой, а он офицер. Вот только какой армии? Он свой или враг?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-188903-6

© Арсеньева Е., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Уйми бездумное роптанье
И обреки все сердце вновь
На безграничное страданье,
На бесконечную любовь!

Каролина Павлова

ОБМАНУТЫЙ ЖЕНИХ

. . . . *Н* очник не горел;
пока глаза при-
выкали к темно-
те, Юлии пришлось постоять у двери,
вдыхая запах табака и пыли, хорошей
перчаточной кожи и чего-то особенно-
го — словом, запах мужчины.

Она по-прежнему ничего не видела.
Все небо за окном затянуто тучами, ве-
тер ярится, а здесь так тепло, так тихо.
Так томно!

Очертания кровати выступили из
тьмы, и Юлия торопливыми, невесо-
мыми шажками добралась до нее, по-
стояла мгновение, глубоко вздохнув,
и осторожно присела, а потом прилегла
с самого краешка. У нее было такое
ощущение, будто бросилась она в эту
роковую постель как в омут.

Ну ничего! Самое главное сделано!
Самое страшное позади! И теперь мож-
но не мучиться сомнениями, как вчера,
как всю дорогу до станции: «Может быть,
сегодня. Может быть, уже этой ночью...»

* * *

«Может быть, сегодня! Может быть, уже этой ночью мы станем любовниками. Нет, мужем и женой!»

Конь устало взбрыкнул; Юлия натянула поводья, чувствуя, что краснеет: а вдруг скакун почуял ее горячечные мысли?

Подбежал работник: «Проше тутай¹, добрый пан, ясная пани!» — подхватил лошадей под уздцы, сунулся было поддержать стремя, но Адам оказался проворнее и уже соскочил с седла, ревниво оттолкнул работника, принял Юлию на руки и медленно, неохотно опустил на землю, крепко прижимая к себе и скользя губами от виска к шее. И снова эти мысли, от которых перехватывает дыхание и слабнут ноги: «Сегодня ночью!» Юлия видела, как бьется синяя жилка на его горле, и не сомневалась, что он думает о том же!

Работник пялился на них с любопытством.

— Н-но, холоп!.. — Адам, очнувшись, брезгливо отстранил его с пути рукоятью хлыста и, подхватив Юлию под локоток, повел в дом.

Несколько мохнатых шавок с лаем бросились из-под крыльца, и Юлия тихонько засмеялась: уж больно старательно выслуживались собачонки перед сухоньким человечком в старом кунтуше² и форменной фуражке, напыленной явно впопыхах, и хотя начальник станции силился принять достойно-грозный вид, сразу было ясно, что натура у него добрейшая.

— Лошадей! — скомандовал Адам. — Но прежде ужин!

¹ Пожалуйте сюда (польск.). (Здесь и далее примечания автора.)

² Кунтуш — польский кафтан.

«Значит, поедем дальше! — разочарованно вздохнула Юлия. — Ну что ж, это самое разумное. Ведь почти ночь на дворе! Господи, я так устала! И вообще...» — она прикусила губу, изо всех сил стараясь держаться небрежно и не выказывать, до чего она обиделась на Адама, который, оказывается, жаждет ее меньше, чем она его.

А следовало бы наоборот!

Тем временем начальник станции что-то отвечал, всплескивая руками, но из-за лая проклятых шавок трудно было хоть что-нибудь разобрать.

— Тють, скаженные! — вдруг заорал он могучим басом, неожиданным для его сложения, и трижды топнул ногой. Шавки, сочтя, очевидно, свою службу выполненной и вполне одобренной, немедленно убрались туда же, откуда взялись, а начальник станции повторил и слова свои, и жест, и мимику крайнего отчаяния:

— Лошадей?! Какие лошади?! Две клячи на дворе, да хоть бы их и не было вовсе! Что с них проку?! Ни под седло, ни в упряжку! Что сегодня с вельможными панами поделалось? Все так и гонят в Варшаву!

— Мы едем из Варшавы, — подала голос Юлия, однако это дела не поправило: начальник станции вновь всплеснул руками и заговорил, смешивая русскую и польскую речь:

— Пшепрашам бардзо¹, ничего не могу поде-
лать, даже заради чудесных очей ясной пани! Однако же проше пана, пани не гневаться и не печалиться. В доме моем они отыщут уютный ночлег, а к утру кони вполне отдохнут и смогут вновь нести на себе таких прелестных седоков!

¹ Прошу прощения (*польск.*).

Юлия не могла не улыбнуться этим цветистым речам. Вдобавок она вовсе не была огорчена тем, что предстоит заночевать здесь. Итак, ночь с 16 на 17 ноября 1830 года навсегда сохранится в ее памяти! Сколько раз, пока они ехали рядом с Адамом — так близко, что лошади их чуть не терлись боками, — Юлия делала вид, что засматривается, как сияет божий мир под чистым небом, радуясь последним погожим денькам, как солнце прячется за речку, как заря румянит облака, а сама думала: как поведет себя, если вдруг Адам возле какого-нибудь уединенного стожка остановится, снимет ее с седла, опрокинет в душистое сено... Она и хотела, и боялась этого. Ну вот, время пришло! Конечно, здесь, на станции, в простынях, перинах и подушках, все будет не так романтично, как в душистом, шуршащем сене, однако что ж, такова судьба!

Она вздохнула обреченно-счастливо — и не поверила своим ушам, услышав, что Адам требует для них две комнаты. Кровь бросилась ей в лицо. Две?! И тут же Юлия мысленно пристыдила себя: разумеется, она все время забывает, как благороден Адам. Несомненно, он желает Юлию так же, как и она его, однако пока они не повенчаны, пока не стали по закону мужем и женой... Ах, как это правильно! Как благо-разумно! Как пристойно! И как скучно! А разве не от этой самой скучной благопристойности очертя голову бежала она из родительского дома?! И вот... Слезы навернулись на глаза, но тут же новая догадка мгновенно высушила их: да ведь Адам просто не хочет компрометировать ее перед этим забавным старичком! А вдруг тот приметил, что на ее плотно обтянутом перчаткою пальце нет необходимой выпуклости, указывающей на обручальное кольцо, и называет ее «пани», а не «панна» только из деликатности? Эти

две комнаты заказаны Адамом лишь для отвода глаз, ну а ночью, несомненно... О, несомненно!

Юлия ободрилась, перестала хмуриться и с выражением приличествующей скромности на лице вошла в дверь, почтительно отворенную для нее начальником станции.

Она очутилась в просторной комнате, ничем не отличающейся от всех других на почтовых станциях, на которых приходилось ей бывать. Гитара на стене — развлечение начальниковой дочери, жены или приберегаемая для забавы господ проезжающих, — переkreшенная со старопольским оружием славы — карабелею; на окнах — нарядные розовые фуксии, похожие на куколок в кокетливых юбочках; в рамках под стеклом — гравированные портреты великих шляхтичей, среди которых непременно принадлежность всякого польского дома — изображение великого гетмана Яна Собесского, по прозванию *Savitar*¹ Речи Посполитой, чье имя в веках навело страх на неприятелей. Тут же висела книжная полка, а на ней, аккуратной стопочкой, — газетные листы Дмушевского, примерного летописца каждого дня и каждого события Варшавы, — «дела веков, дела минуты». В затемненном уголке висел еще какой-то портрет, и Юлии понадобилось изрядно приглядеться, чтобы его рассмотреть. К своему немалому изумлению, она увидела изображение Наполеона I и приподняла брови. Не больно-то это прилично: подданным Российской империи иметь на видном месте первого российского супостата! Впрочем, Юлия отлично знала о слепой преданности поляков Корсиканцу, обещавшему возродить Великую Польшу, а вместо этого ввергнувшему ее в новые

¹ Спаситель (*лат.*).

распри с могущественной Россией. Во многих домах годами хранились такие портреты, сделавшись уже более предметом украшения, обстановки, нежели культа, а потому на них сурово реагировали только старые служаки, еще не забывшие горячих схваток с французской армией, вроде... Нет, об этом лучше и не задумываться!

— Чего изволите откусать? — захлопотал начальник станции. — Цыплята, раки, спаржа?

— Да! — воскликнула Юлия, вмиг забыв обо всем и чувствуя только, как ужасно проголодалась. — Цыплята, раки, спаржа — и скорее, скорее!

Хозяин позволил себе понимающе усмехнуться.

— Юзефа, подавай на стол! Аннуса, помоги ясновельможной пани!

Явилась чернобровая дородная хозяйка, бывшая чуть ли не вдвое выше супруга, присела в поклоне и принялась с проворством фокусника метать на стол кринки, блюда, тарелки, от которых шел дразнящий аромат вкусной и горячей еды. Прибежала молоденькая девушка, верно дочь хозяина; сделала хорошенький книксен и с благоговением приняла у Юлии салоп на черно-бурой седой лисице, покрытой серым атласом. Юлия заметила, что девушка на миг зарылась в душистый мех, а когда подняла за красневшее личико, в ее голубых глазах сверкнула откровенная зависть.

Какое-то мгновение панны мерили друг друга взглядами. Хозяйка заметила, как беззастенчиво дочь разглядывает высокородную гостью, и возмущенно дернула Аннусю за юбку:

— Ну, чего стала?!

Дивчинка унеслась как вихрь, и Адам, с явным интересом наблюдавший за безмолвным поединком, повел Юлию к столу.

Они сели — и Аннуса вмиг была забыта. Осталось лишь восторженное созерцание и блаженное осязание отлично поджаренных, золотистых цыплят, с выступившими на их крылышках капельками жира, в обрамлении зеленых палочек чудесной спаржи. Было что-то невыносимо возбуждающее в том, как Адам с Юлией сидели на разных концах стола и ели, не сводя глаз друг с друга, враз беря то по палочке спаржи, то по белому, сладковато-солененькому кусочку раковой шейки; было что-то почти любовное в совместном движении их губ и языков, дразняще эти губы облизывающих... А когда Юлия взяла изрядную, толстую цыплячью ножку и поднесла ко рту, ее вдруг посетило неприличное воспоминание о том, как одна девочка у них в институте благородных девиц говорила другой девочке, а та — третьей... и в конце концов дошло до Юлии, что, когда мужчина и дама ложатся в постель, некоторые особы ласкают своих любовников особенным, изощренным, диковинным способом, целуя ту часть их тела, о существовании которой воспитанные девицы не должны были даже подозревать. И сейчас ей представилось, как она позволит себе с Адамом все-все, даже самые опасные ласки, только бы их страсть не знала предела!

В эту минуту топот копыт и истошный лай со двора возвестили о прибытии новых гостей, и не успел станционный смотритель, по обычаю, выскочить на крыльцо, вновь прибывшие уже вошли в залу.

* * *

— Не дело, не дело, пан Тадек! Ветчина у вас, гляжу, еще по двору ходит в первозданном виде, да и жареный цыпленок вон кудахчет! — воскликнул

с порога один из гостей, высокий статный мужчина в толстом, видимо очень теплом, плаще с пелериною, сняв мягкую дорожную шляпу, резко тряхнув смятыми волосами, отчего они взлетели и сразу улеглись надо лбом пышной темно-русой волной. — Мир вашему дому!

— Патер ностер... — восхищенно прошептал начальник станции, устремляясь вперед с радушно простертыми руками, в одной из которых была зажата бутылка, что выглядело весьма комично. — Патер ностер, Матка Боска! Да ведь это пан Зигмунд! Да нет, быть того не может! Мои очи лгут мне!

— Полно вам клеветать на свои очи! — улыбнулся вновь прибывший, и улыбка эта вызвала восторженное сияние на пышном лице Юзефы и прелестном личике Аннуси.

Этот человек был из тех, кто сразу обращает на себя внимание окружающих и завладевает им всецело. Он как бы заполнил собою всю немалую станционную горницу! И не потому только, что был высок, широкоплеч, изящен и проворен в движениях; не потому только, что его светлоокое лицо имело запоминающиеся, мужественные, красивые черты. Он обладал силой, которая поражала более, чем красота: силой вождя, заводилы, впереди идущего, на которого взирают почтительно и восторженно последователи, готовые по первому мановению его руки ринуться бог весть куда! На подвиг! На бой! На смерть!

Юлия даже поежилась, ибо Зигмунд на миг напомнил ей отца, а генерал Аргаматов был, ей-богу, последним человеком, о котором сейчас хотелось думать! Поэтому она взглянула на другого гостя, который вытирал платком усталое лицо и с отчуж-

денным равнодушием озирали стены станционного помещения.

Он был невысок, плотного сложения и уже склонен к полноте, невзирая на молодость: ему было едва за двадцать. Черные волосы оттеняли бледность лица, в котором было что-то орлиное, надменное: в этих широко расставленных круглых, немигающих глазах, в коротком горбатом носе, в поджатых губах маленького рта... Юлии показалось, что она уже видела этого человека прежде: высокомерно-сосредоточенное выражение его лица было чем-то знакомым.

Несомненно, знал его и пан Тадек. Во всяком случае, вид у доброго хозяина сделался такой, словно он повстречал призрак, а глаза испуганно сновали от лица гостя к портретику, висевшему в темном уголке.

«Вот на кого он похож! — внезапно сообразила Юлия. — На Бонапарта! Ну прямо как две капли воды! Бывают же такие чудеса!»

— Позвольте рекомендовать друга моего, — Зигмунд отвесил полупоклон в сторону своего спутника. — Пан...

— Милостивый боже! — восторженно перебил пан Тадек, разве что во фрунт не вытягиваясь перед гостем: — Ваше ве... ваше вы... ваше превосходительство!

Однако тот покачал головой:

— Зовите меня лучше пан Валевский. Это имя не хуже прочих.

— Слушаюсь! — рявкнул хозяин изумительным басом, и Зигмунд, невольно прижмурясь, похлопал его по плечу:

— Спокойно, пан Тадек! Спокойно! Не пора ли приняться за ужин, если, конечно, и для нас найдется корочка вашего чудесного хлебца?!